

И.И. Кауфман

**Серебряный рубль в России
от его возникновения до
конца XIX века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Кауфман**
Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века / И.И. Кауфман – М.: Книга по Требованию, 2022. – 271 с.

ISBN 978-5-458-77077-4

Книгу «Русский рубль» приходится рассматривать как весьма убедительный пример сочинения по проблемам денежного обращения, в котором совершенно игнорируются сами памятники денежного обращения как исторический источник. Вряд ли имеет смысл повторять многие положения книги И. И. Кауфмана «Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. », вышедшей еще в 1910 г.1 при совершенно ином уровне развития источниковедения. Тогда господствовало негативное отношение к систематизации императорских монет с учетом даже мельчайших деталей их оформления (например, изображение орла с загнутыми крыльями, пропуск запятой, разное число перьев в хвосте орла и т. д.).

ISBN 978-5-458-77077-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тримъ сначала дошедшій до насъ извѣстія объ употребленіи слова „серебро“ въ смыслѣ денегъ.

Отъ XIII столѣтія до насъ дошло такихъ извѣстій немного. Подъ 1209 г. однако мы уже встрѣчаемъ обвиненіе новгородскаго посадника Дмитрія и братья его, съ любопытнымъ противопоставленіемъ: „повелѣша на новгородѣмъхъ серебро имати, а на волостѣхъ куны брати“¹⁾. Подъ 1229 г. первая псковская лѣтопись сообщаетъ слова псковичей Ярославу: „ходили есте къ Колываню и серебро взясте, а правды не учинисте“²⁾. Подъ 1252 г. въ Ипатіевской лѣтописи читаемъ: „не взявъ быхъ тысящѣ серебра“³⁾. Въ той же лѣтописи подъ 1257 г. разсказывается, что „Данило (Галицкій, послѣ побѣды надъ Ятвягами) посла Костятина, да набереть на нихъ (Ятвяговъ) дань; ѣхавъ же Костятинъ поима на нихъ черныя куны и бѣлъ серебро“⁴⁾. Въ рядной, которую И. И. Срезневскій отнесъ къ 1266—69 г., встрѣчаются слова: „и на дѣвцѣ Якимъ сребро взялъ“, которыя И. И. Срезневскій переводить: „деньги Якимъ получилъ“⁵⁾. Подъ 1270 г. опять находимъ въ новгородской лѣтописи жалобу: „чему поималъ еси серебро на Микифорѣ и т. д.“⁶⁾. Въ духовной новгородца Климента, которую И. И. Срезневскій относилъ къ 1270 г., встрѣчаются слова: „а на поральское серебро⁷⁾ наклада взяти“. Наконецъ, напомнимъ, что въ XIII ст. вмѣстѣ съ татарами является „ордынское серебро“, т. е. деньги для уплаты татарской дани.

Съ возникновеніемъ счета на рубли, въ XIV ст., слово куны въ смыслѣ денегъ начинаетъ отходить на задній планъ, но зато слово серебро въ томъ же смыслѣ употребляется уже гораздо чаще. Въ договорной грамотѣ в. к. тверскаго Михаила Ярославича съ Новгородомъ, 1307 г. между прочимъ, говорится: „а нынѣ серебра не вели емати“⁸⁾. Въ договорѣ вел. князя Георгія съ вел. княземъ тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ о рубежахъ, выходцахъ и т. д., 1318 года, между прочимъ, условливается: „а что поималъ на Вологдѣ кречеты, и *серебро*, и бѣлу . . . дати имъ назадъ по исправѣ“⁹⁾. Подъ 1321 г. въ лѣтописи

1) Новгород. синод. харатѣйн. стр. 192.

2) П. С. Р. Л. IV стр. 178; Новгород. синод. харат. стр. 226.

3) П. С. Р. Л. II стр. 137.

4) П. С. Р. Л. II стр. 194.

5) Русско-Ливонс. акты стр. 15; Зап. И. Рус. Археол. Общ. III 225, 235, 237.

6) Новгород. синод. харат. стр. 292; П. С. Р. Л. VII, 169.

7) Поральское серебро, т. е. серебро, уплачиваемое соразмѣрно числу ралъ или сохъ, аналогично позднѣйшему выраженію „посошныя деньги“.

8) С. Г. Г. и Д. I № 11 стр. 14.

9) С. Г. Г. и Д. I № 14 стр. 13.

разсказывается: „князь великій Юрій Даниловичъ взя *серебро выходное* (татарскую дань), тверскихъ князей по докончанію и поиде съ *серебромъ* въ Новгородъ Великій ¹⁾. Въ новгородской лѣтописи подъ 1321 г. разсказывается: „ходи князь Юрьи Дмитровичъ ратью на Дмитрія Михайловича Тверского и докончаша на 2000 серебра“ ²⁾. Тамъ же подъ 1327 г. находимъ извѣстіе: „приде рать татарская . . . и просто реши всю землю руськую положиша пусту, только Новгородъ ублюде Богъ . . . и въ Новгородъ послаша послы татарове и даша имъ Новгородци 2000 серебра“ ³⁾. Въ 1332 г. „великыи князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамского“ ⁴⁾. Въ первой псковской лѣтописи сообщается, что въ 1362 г. „прияша псковичи пѣмецкій гость . . . серебро на нихъ поимаше за головы избѣнныхъ“ ⁵⁾. Въ жалованной грамотѣ Дмитрія Донского Микулѣ съ дѣтьми, 1362 г., говорится: „се язъ, князь великій пожаловалъ есмь (такихъ-то), не надобѣ имъ ни въ которую дань, ни въ ординское серебро“ ⁶⁾. Подъ 1371 г. въ Воскресенской лѣтописи сообщается, что „князь великій Дмитрей Ивановичъ . . . выведе съ собою изъ орды княже Михайлова сына Тверского князя Ивана, окупивъ его у татаръ въ долгу, вдасть на немъ 10 тысящъ рублевъ серебра, еже есть тма“ ⁷⁾. Четвертая новгородская лѣтопись сообщаетъ, что въ 1383 г. „выиде изъ орды князь Михайло Тверскій безъ великого княженія, а Василя Дмитріевича прія царь въ 8000 серебра“ ⁸⁾. По третьей новгородской лѣтописи новгородцы въ 1386 г. били челомъ Дмитрію Донскому „8000 серебра“ ⁹⁾. Эти 8000 рублей по разсказу четвертой новгородской лѣтописи были уплачены такъ; „новгородци взяше съ полатей у Святѣй Софьи 3000 рублей и то *серебро* даша князю, а 5000 рублевъ повелѣша князю великому взять на заволочанахъ“ ¹⁰⁾. Въ договорной грамотѣ великаго князя Василя Дмитріевича съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1386 года, они условливаются, между прочимъ, о томъ, чтобъ для уплаты татарской дани „дати ти мнѣ,

1) П. С. Р. Л. X стр. 188.

2) Новгор. синод. харат. стр. 319.

3) Тамъ же стр. 323. П. С. Р. Л. VI, 201; по Никоновской лѣтописи „5000 рублевъ новгородцкихъ“ П. С. Р. Л. X, 194.

4) Новгор. сиподальн. харатейная стр. 323.

5) П. С. Р. Л. IV стр. 191.

6) Дополн. къ Акт. Ист. I № 9 стр. 9.

7) П. С. Р. Л. VIII, 178.

8) П. С. Р. Л. IV, 90.

9) Ib. III 232.

10) Ib. IV 94.

великому князю съ своее отчины 5320 рублевъ, а съ Ростовца и съ Перемышля и съ Козлова Броду взяли ти собѣ *въ тоже серебро*“¹⁾. Въ уставной грамотѣ великаго князя Василя Дмитріевича и митрополита Кипріяна о церковныхъ судахъ и пр., 1389 года, находимъ опредѣленіе: „а боярамъ и слугамъ князя великаго и митрополичіемъ земель Луховскихъ не купити, а которые будутъ покупили, а тѣмъ лѣзти вонъ, а *серебро* свое взяти“²⁾. Третья и четвертая новгородскія лѣтописи рассказываютъ подъ 1391 годомъ: „бысть пожаръ . . . взяли новгородци у святѣй Софіи съ полатей *серебра* 10.000 . . . и раздѣлиша на конецъ по 1000 рублевъ *серебра* и ставиша костры каменные“³⁾. Въ четвертой новгородской лѣтописи подъ 1494 г. рассказывается, что „отъ митрополита Кипріяна бояринъ Дмитрокъ приѣхалъ *просити серебра* 350 рублевъ, что вѣдили Кюръ Сазоновъ да Василий Щечкинъ въ Царьградъ къ патріарху послали отъ Новгорода и скопили долгу; и новгородци *даша то серебро*“⁴⁾. Подъ 1398 г. лѣтопись сообщаетъ намъ извѣстіе: „князь великій Василей Дмитріевичъ . . . послаша въ Царьградъ *много серебра* въ милостыню“⁵⁾. Къ 1399 г. относится извѣстіе новгородскихъ лѣтописей, что „татарове съ города Кіева окупъ взяша 3000 рублевъ *литовскимъ серебромъ*“⁶⁾. Наконецъ къ XIV ст. относится очень важный фактъ, что въ Псковской судной грамотѣ только одинъ разъ встрѣчается слово куны въ смыслѣ денегъ („городскими куны не корыстоватися“), во всѣхъ же другихъ случаяхъ въ этомъ смыслѣ употребляется слово „серебро“. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „а кто положитъ (предъявить) доску (документъ) на мрѣтвого (умершаго) о зблуденъи (о поклажѣ для храненія) *сребра*, или платья, или круты, или иного чего животнаго . . . А-кто на комъ имать *сочити ссудного сребра* по доскамъ . . . Кто иметь *серебра сочити* по закладу . . . Да *свое серебро* возьметъ . . . А кто иметь *давать серебро въ заимъ* . . . А который человекъ *поручитъ за друга въ серебръ* . . . а молвить тако: азъ, брате, тебе *заплатимъ то серебро*“. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ „серебро“ значить деньги. Мы намѣренно выдѣлили и отмѣтили случаи, въ которыхъ денежныя суммы въ рубляхъ излагаются, какъ составляющія *серебро* (а не куны).

1) С. Г. Г. и Д. I. № 35 стр. 63.

2) А. А. Э. I № 9 стр. 4.

3) П. С. Р. Л. III 233; IV 98; Новгородскія лѣтописи изд. 1879, стр. 247.

4) П. С. Р. Л. IV стр. 100.

5) П. С. Р. Л. VIII, 71; XI, 168.

6) П. С. Р. Л. III, 101; IV, 104; VIII, 73.

Въ XV столѣтїи куны уже становятся рѣдкостью и это слово употребляется только въ рѣдкихъ документахъ, которые пишутся по стариннымъ образцамъ и въ которыхъ употребляются устарѣлыя выраженія. Въ преобладающей же массѣ извѣстій, до насъ дошедшихъ, въ смыслѣ денегъ употребляется слово серебро.

Извѣстно, что Едигей упрекалъ великаго князя Василя Дмитріевича въ томъ, что онъ присваиваетъ себѣ татарскую дань; этотъ упрекъ лѣтопись подъ 1409 г. передаетъ такъ: „а что еси ималь въ твоей державѣ со всякого улуса съ двухъ сохъ рубль, и то *серебро* гдѣ ся дѣваетъ“ ¹⁾. Въ духовной удѣльнаго князя Владиміра Андреевича (двоюроднаго брата Дмитрія Донского), 1410 года, между прочимъ, говорится: „а выйдеть дань ко ордѣ дати . . . и пошлютъ своего боярина за своимъ *серебромъ* ко казнѣ великаго князя и отдадутъ *серебро* вмѣстѣ“ ²⁾. Въ одной новгородской грамотѣ, посланной въ Ригу въ 1417 г., между прочимъ, находимъ: „а только не отдадутъ нашей братїи *того серебра* (суммы 400 руб) и мы имъ велимъ взяти ту четыриста рублевъ на вашей братїи, на купчехъ“ ³⁾. Подъ 1425 г. первая псковская лѣтопись сообщаетъ, что при столкновенїи съ Витовтомъ псковичи сначала „посулиша 1000 рублей, а срокъ себѣ учиниша и *серебро* *положити* на Крещеніе“, а чрезъ годъ они „кончаша миръ, за полоненныхъ окупа полпятаста (450) рублей, а *серебро дати* на покровъ день“ ⁴⁾. Въ дошедшей до насъ купчей грамотѣ, которую относятъ ко времени до 1427 году, говорится: „се язъ, игумень Кирило (Бѣлозерскій) купилъ еси въ домъ Пречистой Богородици деревню, а далъ есмь 3 рубли и 40 бѣлъ да бѣлу пополика, а *серебро* *плотилъ* отъ игумна чернецъ Варсофій“ ⁵⁾. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ разсказывается, что въ 1428 г. „приходилъ князь Витовтъ къ Порхову съ ратью и Порховичи кончаша за собе на 5000 *серебра*“, а потомъ приѣхали владыка Ефимій и послы новгородскіе „и доконча другую 5000 *серебра*“; въ Никоновской же лѣтописи прибавляется: „и то *серебро* браша со всѣхъ волостей новгородскихъ, з 10 человекъ по рублю“ ⁶⁾. Въ договорной грамотѣ Василя Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ, 1433 г., говорится: „а что есмь занялъ

1) П. С. Р. Л. XI, 210.

2) С. Г. Г. и Д. I, № 40, стр. 77.

3) К а л а ч е в а, Арх. ист.-юр. свѣд. 1855 г., кн. 2. перв. полов. стд. 2, стр. 7.

4) П. С. Р. Л. IV, стр. 204, 205.

5) А. Ю. № 72, стр. 119.

6) П. С. Р. Л. III, 110, 238; XII, 8.

у гостей и у суконщиковъ 600 рублей да заплатилъ есмь въ твой долгъ въ Ординской Резьнъ Хозѣ да Абину въ кабалы и на кабакахъ есмь *то серебро подписаль*, и тебе съ мене тотъ долгъ ту 600 рублей сняти и съ тѣми гостями вѣдаться тобѣ опречъ мене самому, а мнѣ тобѣ тѣхъ сказати, у кого есмь *то серебро заимоваль*“¹⁾. Въ другой договорной грамотѣ Василя Василіевича съ Дмитріемъ Шемякою, 1484 г., говорится; „а что не додалъ ми еси въ выходы (въ татарскую дань) серебра, . . . а то ти мнѣ, брате, отдати по розочту“²⁾. Еще въ одной договорной грамотѣ Василя Темнаго съ княземъ можайскимъ содержится выраженіе: „знати ит *свое серебро*“. Къ 1450 относятся грамоту объ особой группѣ крестьянъ, которые называются „монастырскими серебрянниками“; въ этой грамотѣ говорится о „монастырскихъ половникахъ въ серебрѣ“, о половникахъ-серебрянникахъ³⁾, при чемъ очевидно имѣются въ виду крестьяне, получившіе денежныя ссуды отъ монастыря (съ „монастырскимъ серебромъ“ мы еще будемъ встрѣчаться).—Въ духовной грамотѣ жены князя Владиміра Андреевича, 1452 г., читаемъ: „а что мой долгъ, что еси заимовала, а за нимъ ся осталось 400 рублей, и господинъ мой великій князь Василей Васильевичъ пожаловалъ бы взялъ *то серебро* на моемъ выкупѣ, да далъ бы *то серебро* снохамъ моимъ, а снохи мои должникомъ заплотять, а съ моею души сведуть... чтобъ на мене должники мои не плакали“⁴⁾. О томъ, какъ далеко проникло и въ сельскую жизнь обозначеніе денежныхъ отношеній словомъ „серебро“, еще разъ показываетъ духовная Софьи Витовтовны, жены Василя Темнаго, 1453 г., „а даю тѣ села... и съ хлѣбомъ и съ животиною и съ половиною *издѣлнано серебра*... А другую половину издѣлнанаго серебра велѣла своимъ христіяномъ *серебренникомъ* отдавати“⁵⁾. Подъ 1456 г. лѣтописи сообщаютъ: „приде князь великій Василей Васильевичъ къ Новгороду ратью... взя у нихъ князь велики 10000 рублей новгородскимъ серебромъ“⁶⁾. Въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича на Бѣлоозеро о выходѣ крестьянъ изъ-за Кириллова монастыря, 1462 года, читаемъ: „и который христіянинъ скажется въ ихъ *серебрѣ виноватъ* и вы бы ихъ *серебро заплатили монастырское*,

1) С. Г. Г. и Д. I, № 49, стр. 102 и № 50, стр. 104.

2) Тамъ же № 52 и 53, стр. 108 и 111.

3) А. А. Э. I., № 48, стр. 35.

4) С. Г. Г. и Д. I № 82, стр. 191.

5) С. Г. Г. и Д. № 83, стр. 194.

6) П. С. Р. Л. III, 141; VII, 181; VIII, 147.

а кто ся скажетъ монастырю *серебромъ невимоватъ* и вы бы потомъ монастырю *въ ихъ серебръ* давали поруку¹⁾. Въ 1471 г. „притѣхалъ князь великій Иванъ Васильевичъ къ Новгороду ратью... и добиша челомъ великому князю 16000 *серебра* новгородскихъ рублевъ. . Потомъ же князь великій послалъ въ Новгородъ боярина Федора Давыдовича, привести велѣлъ весь Новгородъ къ цалованію отъ мала же и до велика и *серебро* на нихъ имати“²⁾. Въ договорѣ Ивана Васильевича съ Новгородомъ отъ 11 августа 1471 г., между прочимъ, говорится: „а что серебро и хлѣбъ великимъ княземъ въ Торжку или на Гудахъ, а то великимъ княземъ не надобѣ. А кто будетъ на поруцѣ данъ въ серебрѣ или въ хлѣбѣ, а съ тѣхъ порука доловъ“³⁾. Въ духовной Юрія, брата Ивана III, находимъ такое опредѣленіе: „монастырскаго серебра 12 рублевъ... А что въ томъ селѣ и въ деревенькѣ *серебра на модехъ*, ино того *серебра* половина Великой Троицѣ, а другая половина тымъ христіанамъ, на коихъ *серебро*“⁴⁾. Подъ 1480 г. въ первой псковской лѣтописи разсказывается, что „посадники псковскіе повезоша отъ Пскова поминка великому князю полсема десятка рублевъ *серебромъ* опроче своихъ поминковъ“⁵⁾. Въ договорѣ, который въ 1482 г. новгородскіе намѣстники заключили съ магистратомъ Нѣмецкаго Ордена, фонъ деръ Борхтомъ, между прочимъ, говорится: „а что взяли Руюдевцы подъ товары у купчинъ новгородскихъ 20 рублевъ да сто, ино тое серебро отдати 20 рублевъ да сто на Покровъ Святой Богородицы“⁶⁾. Въ духовной Ивана Ивановича Салтыка, 1483 года, говорится, между прочимъ: „а что въ моемъ селѣ *серебро* на Водозѣ въ Спасскомъ, да и въ деревняхъ, да и то серебро отдадутъ женѣ моей... а прикащики мои возьмутъ съ того села 60 рублевъ да то *серебро* отдадутъ женѣ моей. А что село мое на Москвѣ Шерепово и то село прикащики мои чѣмъ обложатъ и братъ мой Михайло Шарапъ *серебро дастъ*, а прикащики мои *тымъ серебромъ долъ мой отплатятъ*“⁷⁾. Въ другой духовной, Ивана Юрьевича Патрикѣева, 1498 года, читаемъ: „а что въ моихъ селахъ у моихъ ключниковъ *моего серебра* на рукахъ, и тѣ мои ключники то *серебро* изъ людей выбравъ, да отдадутъ моей

1) А. А. Э. I, № 73, стр. 53.

2) П. С. Р. Л. VIII, 167.

3) С. Г. Г. и Д. I, № 20, 2. А. А. Э. I, № 91, стр. 68.

4) С. Г. Г. и Д. I, № 96, стр. 231.

5) П. С. Р. Л. IV, стр. 262.

6) Сборникъ Муханова стр. 41.

7) А. Ю. № 413, стр. 440.

женѣ и моимъ дѣтямъ“¹⁾. Въ дошедшей до насъ новгородской духовной XV в. говорится: „а что купля отца моего, а то мнѣ по купчимъ грамотамъ, *по серебру* и по отца моего рукописанію“²⁾. Въ другой духовной XV в., тоже новгородской, говорится: „на отцѣ моемъ и на мнѣ 20 рублевъ и сто; и была о томъ *серебръ* (о 120 рубляхъ) говорка передъ владыкою Алексѣемъ“³⁾. Въ купчей XV в. находимъ: „се купи Мелентѣй село земли, а даль на томъ на всемъ 18 рублевъ серебра“⁴⁾. Въ закладной XV в. „Семень Степановъ сынъ Рознѣжскаго“ удостоверяетъ, что онъ „заяялъ у Архимандрита у Малахія у Благовѣщенскаго и у его братія 20 рублевъ *монастырскаго серебра*“⁵⁾.

Отъ XVI вѣка мы имѣемъ лишь два извѣстія, въ которыхъ въ смыслѣ денегъ употребляется только „серебро“; оба эти извѣстія сообщаетъ намъ софіевская лѣтопись. Подъ 1534 г. разсказывается, что на построение въ Москвѣ Китай-города „государь князь великій Иванъ Васильевичъ и его мати благочестивая княгиня Елена вдаша отъ своея казны *серебра* на устроение града, елико надобно, тако же повелѣша и митрополиту вдати, колико достойтъ, такоже всему священническому чину урокъ учиниша, по тому же княземъ и бояромъ и савонникомъ, елико которому достойтъ, такоже и гостемъ и всѣмъ торговымъ людямъ, который чего точень по государеву указу повелѣша вдавати“⁶⁾. Вѣроятно, собранная для сооруженія Китай-города сумма была значительная и она вся еще была собрана, какъ „серебро“, хотя это было уже въ 1534 г. Другое извѣстіе, 1535 г., — такое: „государь князь великій и мати его, благовѣрная княгиня Елена прислали архієпископу Великого Новгорода и Пскова владыкѣ Макарію сына боярскаго съ грамотою: что приходили въ прежніе лѣта татарове въ государеву украину, взяли въ плѣнъ дѣтей боярскихъ, и мужей, и женъ, и дѣвицъ . . . и Господь Богъ умягчи сердце иноплеменниковъ и наки возвратили плѣнъ вспять, и за то просили у государя великаго князя Ивана Васильевича *серебра*. И князь великій велѣлъ своимъ бояромъ *серебро дати*, елико достойтъ, а крестьянскія души искупити отъ иноплеменниковъ. И государь князь великій Иванъ Васильевичъ и его мати . . . послали своему богомолцу, вла-

1) С. Г. Г. и Д. I, № 130, стр. 337.

2) А. Ю. № 409, I, стр. 409.

3) А. Ю. № 409, II, стр. 410.

4) А. Ю. № 71, IV, стр. 111, Шахматовъ, Двинскія грамоты № 81, стр. 101.

5) Акты отн. до юр. быта II, № 126, II.

6) П. С. Р. Л. VI, 292.

дыкъ Макарію, въ ту мзду по обежному счету въ своей архіепископіи со всѣхъ монастырей собрати 700 рублевъ московскую. И владыка Макарій повелѣ въборзѣ собрати 700 рублевъ и посла *сребро* собравъ къ государю на Москву князя Оболенского и дьяка и съ ними *серебра* 700 рублевъ¹⁾.

Подобные случаи, въ которыхъ только слово серебро употребляется въ смыслѣ денегъ въ первой половинѣ XVI ст. уже очень рѣдки, а во второй половинѣ XVI в. уже совсѣмъ намъ неизвѣстны. Но мы можемъ привести нѣсколько извѣстій, показывающихъ, что въ теченіе всего XVI ст. оба слова, серебро и деньги, одновременно употребляются въ одинаковомъ смыслѣ. Такъ, до насъ дошла закладная на рыбную ловлю 1501—1502 г. слѣдующаго содержания: „се язъ Окуль Жукъ, княжъ Ивановъ слуга Семеновича, занялъ есмь у архимандрита у Воскресенского у Черновскаго монастыря у Арсенья *рубль денегъ московскими денгами ходячими* по пяти гривенъ полтина на годъ; а въ тѣхъ есмь у него *денгахъ* заложилъ государя своего повѣтъ въ Устьзуцкомъ ѣзу; за росты ему бити и сѣдѣти; а *поляжетъ серебро* по сроцѣ, ино ему ся кабала и купчая“²⁾.— А вотъ другой документъ, 1524 года, въ которомъ слово серебро въ смыслѣ денегъ употребляется 3 раза, но въ томъ же смыслѣ и слово деньги употребляется по меньшей мѣрѣ одинъ разъ: „се язъ Федоръ, да язъ Олешко, да язъ Иванко, Омельяновы дѣти, Мироѣдова, заняли есмя у Еяцкаго казначея, у старца у Корнея полтину денегъ монастырскаго серебра казенного, великаго князя, описного . . . а на то серебро давати ростъ на пять шестой . . . а въ серебрѣ есмя и въ росту всѣ насъ одинъ человекъ, который (язъ) насъ въ лицѣхъ (на лицо), на томъ *денги* и ростъ, на любомъ“³⁾. Вотъ еще такой же документъ 1537 года: „се язъ Осуня, да язъ Володя, да язъ Степанъ . . . заняли есми у Кириловскаго прикащика . . . четыре рубля *московскихъ денегъ* ходячихъ казенного *серебра монастырскаго* . . . а въ тѣхъ есми *денгахъ* заложили пожню . . . а въ *серебрѣ* есмя всѣ пять насъ одинъ человекъ, который насъ въ лицѣхъ на томъ *серебро*“⁴⁾. И наконецъ еще одинъ документъ этого же рода отъ 1596 г., когда слово серебро въ смыслѣ денегъ уже почти совсѣмъ вышло изъ употребленія: „се язъ Осипъ Юрьевъ сынъ Васильевъ съ своими дѣтьми . . . заняли есми

1) П. С. Р. Л. VI, 294.

2) Акты, отн. до юр. быта. II, № 126, IV.

3) А. Ю. № 235 стр. 261.

4) Тамъ же № 238 стр. 262.

у Шаблыкина государя его *серебра* восемь рублевъ *денегъ* московскихъ ходячихъ на годъ . . . за ростъ намъ у государя его служить во дворѣ по вся дни; а полягутъ *денги* по сроцѣ и намъ за ростъ служить по тому же; а кой насть заемщикъ въ лицахъ, на томъ деньги и служба“¹⁾.

Употребленіе слова деньги въ нынѣшнемъ его общемъ смыслѣ начинается однако уже въ концѣ XV вѣка, хотя и лишь въ одинокихъ случаяхъ, немногочисленныхъ, причемъ большею частью при этомъ въ смыслѣ денегъ употребляется и слово серебро. Такъ въ духовной Андрея, брата Ивана III, 1481 г., читаемъ: „дати ми Григорьѣ Бобынѣ 250 рублевъ, а заложено у него *въ тѣхъ денгахъ* чепъ золота да поясъ золотъ да ковшъ . . . Дати ми Ивану Врягину 350 рублевъ, а заложено у него *въ тѣхъ* (названы вещи), да *въ тѣхъ же денгахъ* у него заложены (названы еще другія вещи) . . . А что въ моихъ селехъ на Вологдѣ и въ Тарусѣ на християнехъ мое *серебро издѣльное и ростовое* и мое жито на нихъ заемное и оброчное . . . и язъ то *свое серебро* и жито отдалъ християнамъ“²⁾. Въ одной заемной и закладной 1484 г. говорится: „се язъ, Наумъ да Онцыфоръ . . . заняли есмя у Гаврила 12 рублевъ московскимъ *серебромъ* ходячимъ . . . на годъ, а во тѣхъ есмя у него *денгахъ* заложили свой наволокъ на рѣкѣ Шекснѣ, 4 стожъя за ростъ косиги. А не заплотимъ мы на срокъ *денегъ*, ино ся кабала на нашъ наволокъ купчая грамота безъ выкупа на вѣки“³⁾. Въ Бѣлозерской таможенной грамотѣ 1497 г. читаемъ: „откупили Бѣлозерскую тамгу да пятно коневое Титъ Окимовъ да Есипъ Тимофеевъ да Семень Бобръ, а откупа имъ дати 100 рублевъ и 20 рублевъ, а имати у нихъ тѣ *денги* часовнику подъячему по срокомъ: 60 рублевъ взяти на великое заговѣнье, а 60 рублевъ на Игоря Константиновича на Еленинъ день“⁴⁾. Въ духовной Ивана Юрьевича Патрикѣва 1498 г. читаемъ: „а что въ моихъ селехъ у моихъ ключниковъ *моего серебра* на рукахъ, и тѣ мои ключники *то серебро* изъ людей выбравъ да отдадутъ моей женѣ; а что *моихъ денегъ* во всѣхъ моихъ селехъ за крестьяны, и жена моя и дѣти мои половину *тѣхъ денегъ* крестьяномъ отдадутъ, а другую половину на нихъ возмутъ да темъ подѣлятся“⁵⁾.—
Наконецъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ Вотской и Шалон-

1) Тамъ же № 222 стр. 267.

2) С. Г. Г. и Д. I № 112 стр. 271, 272.

3) А. Ю. № 233 стр. 260.

4) А. А. Э. I № 134 стр. 99.

5) С. Г. Г. и Д. I № 130 стр. 337.

ской пятинъ 1500 года сплошь и рядомъ говорится: денегъ столько-то рублевъ, или денги — полтина новгородская, или денегъ столько-то гривенъ, или деньгами столько-то рублей, гривенъ и денегъ новгородскихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхожденіе рубля и его древнѣйшій видъ.

1315—1450.

Въ домонгольской Руси и въ первое столѣтіе монгольскаго ига, до второго десятилѣтія XIV в., самую крупную денежною единицею была гривна. Она отличается архаическою особенностью вѣхъ древнѣйшихъ денежныхъ единицъ языческаго и христіанскаго міра: она одновременно и денежная, и вѣсовая единица. Это хорошо извѣстно и нашимъ историкамъ. Менѣе общеизвѣстенъ параллельный этому фактъ, что и рубль рождается съ тою же архаическою особенностью. Древнѣйшій рубль возникаетъ не только, какъ самая крупная денежная единица, замѣняющая гривну, какъ денежную же единицу; онъ возникаетъ, сверхъ того, какъ новая вѣсовая единица, замѣняющая гривну въ той же роли. Древнѣйшій рубль возникаетъ въ началѣ XIV вѣка не просто, какъ рубль, а какъ рублевая гривенка, какъ гривенка, вѣсъ, служащая рублемъ, или какъ рубль, составляющій гривенку, имѣющій вѣсъ гривенки. Въ этомъ отношеніи между древнею Русью и раннимъ средневѣковьемъ Западной Европы оказывается полное сходство. Въ Западной Европѣ древнѣйшею самою крупною денежною единицею былъ ливръ, который одновременно былъ и денежною, и вѣсовой единицею; этому въ древнѣйшей Руси соответствуетъ гривна. Въ XI столѣтіи ливръ оказывается слишкомъ крупною единицею и его замѣняетъ марка (въ однихъ мѣстахъ половина, въ другихъ двѣ трети ливра), и въ древнѣйшемъ своемъ видѣ марка сохраняетъ архаическую двойственность, служа одновременно какъ вѣсовою, такъ и денежною единицею. И тоже самое мы видимъ въ древней Руси: западно-европейской маркѣ соответствуетъ въ древней Руси рублевая гривенка, которая въ XIV ст. и въ первой половинѣ XV ст. служитъ одновременно денежною и вѣсовою единицею, а съ половины XV ст. обѣ эти единицы обособляются (дифференцируются) одна отъ другой и продолжаютъ свою эволюцію одна независимо отъ другой.

Слитное возникновеніе рубля и гривенки въ видѣ рублевой гри-